

УДК 398.22
ББК 83.3 (2 Рос=Калм)

**СПЕЦИФИЧЕСКОЕ И УНИВЕРСАЛЬНОЕ В ОБРАЗЕ ГЕРОЯ
КАЛМЫЦКОЙ БОГАТЫРСКОЙ СКАЗКИ И ЭПОСА «ДЖАНГАР»**

**Specific and Universal in the Image of the Hero
of the Kalmyk Heroic Tale and Epos «Dzhangar»**

Ц. Б. Селеева (*Ts. Seleeva*)¹

¹научный сотрудник отдела литературы, фольклора и джангароведения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Researcher of the Folklore and Dzhangar Studies Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences). E-mail: tsagana007@mail.ru.

В статье рассматривается семантика образа героя и его функций в калмыцкой богатырской сказке и эпосе «Джангар». Специфическое и универсальное выявляется путем реконструкции процесса трансформации богатырской сказки в героический эпос. Автор приходит к выводу, что универсальное в образе героя связано с синкретической природой и взаимопроницаемостью жанров богатырской сказки и эпоса. Специфические качества обусловлены социально-историческими факторами патриархально-родового и феодального строя, оказавшими влияние на формирование образа героя сказки и эпоса.

Ключевые слова: богатырская сказка, героический эпос «Джангар», герой, концепция героического, героический миф, культурный герой, инициация.

The article deals with the semantics of the hero's image and his functions in a Kalmyk heroic tale and the epos *Dzhangar*. The author reveals specific and universal features of the hero's image by reconstructing the transformation process of the heroic tale into the heroic epos. The author comes to the conclusion that the universal in the image of the hero is associated with the syncretic nature and interpenetration of genres of both the heroic tale and the epos. The most important source of the formation of both the heroic epos and the heroic tale is a myth through which one can trace the transformation of the heroic tale into the heroic epos which is caused by the development of peoples themselves, their transition from the patriarchal and tribal system to the feudal society. The myth had influenced the formation of the heroic tales and heroic epos primarily through the image of a cultural hero. In this connection, the author makes an assumption that this image served as source material contributed to the creation of fabulous and epic heroes' models. Specific features of the image are caused by socio-historical factors of the patriarchal-patrimonial and feudal systems that influenced the creation of the image of the hero both in the tale and the epos.

Keywords: heroic tale, the heroic epos "Dzhangar", the hero, the concept of the heroic, heroic myth, the culture hero, initiation.

Богатырская сказка, представляющая собой предшествующую эпосу архаическую формацию, характеризуется отсутствием государственной перспективы и историзма, присущих классическому героическому эпосу. Герой богатырской сказки являет собой образ представителя семьи и рода, подвиги которого связаны с родовыми

и семейными распрями, кровной мезтью, добыванием невесты, угоном табунов соседнего племени и, т. п.

Героический эпос в отличие от народной сказки оперирует историческими, национальными и государственными масштабами. Его «история тесно связана с процессом формирования народностей и древней-

ших государств» [Мелетинский 2004: 423]. «Созданный в период племенных распрей, переселения народов, основания государств и последующей борьбы народов за свою независимость против чужеземных завоевателей, героический эпос видит героя в образе идеального богатыря, наделенного мужеством, доблестью, физической силой, защитника своих родичей, народа и родины, который в единоборстве побеждает чудовищного врага или один уничтожает несметные полчища иноплеменных захватчиков» [Жирмунский 2004: 125]. Так, богатырь калмыцкого героического эпоса «Джангар», воплощающий народный идеал героизма в период постоянных войн, выступает как защитник своего народа, его свободы и независимости в героической борьбе против его исторических врагов.

Главным действующим лицом произведений героического и сказочного эпоса является воин-богатырь, наделенный сверхчеловеческой силой и воинской доблестью, неукротимой энергией и свободолюбием, в монументально-идеализированной форме олицетворяющий норму поведения человека героического, воинского века и генетически восходящий к типам героев архаических мифов. Герои архаических мифов — это предки, которые являются в то же время демиургами и культурными героями. Если в мифах эсхатологических, календарных главным архетипом является формирование мира, его гибель и обновление в борьбе между хаосом и космосом, то в мифах героических речь идет о формировании героя, символизирующего родовые или племенные силы и совершающего свои подвиги на космическом фоне. Обычно такой герой наделяется «непомерной силой и сверхчеловеческими возможностями, однако он лишен бессмертия, компенсирующегося в героическом мире подвигами и славой (бессмертием) среди потомков» [Мифы народов...2000: I, 294]. Таким образом, самопроявление энергии и личной воли эпического богатыря взаимосвязано с интересами коллектива, и в этом синтезе осуществляется эпическая идеализация богатыря. Совершаемые богатырем действия в основном соответствуют эпическим целям, имеющим в той или иной мере коллективистский характер.

Древнейшее ядро образа Джангара — ниспосланный небом культурный герой, очищающий землю от чудовищ, родив-

шийся в мифические «начальные времена». Эпические события в «Джангаре» приурочиваются к «началу раннего времени, когда распространялась вера бесчисленных будд-бурханов» [Джангар 1978: II, 368], т. е. мифологическое начальное время совпадает с историческим временем распространения и утверждением буддизма в ойратском мире. По всей вероятности, «архаические представления о первотворении были трансформированы в представления о начале историко-эпической эпохи, относимой к распространению буддизма в XVII веке» [Кичиков 1997: 20]. Специфика временного фона эпических событий в «Джангаре» позволяет определить его как «не мифологическое «неопределенное» или «изначальное» время архаического эпоса, а условно-историческое время, наделенное внешними признаками историчности, несмотря на вневременность самого сюжета» [Неклюдов 1973: 153].

Согласно эпосу, Джангар — сирота («в поколении одинокий»), но при этом имеющий славных предков. Как правило, «связь с прославленным, известным своими подвигами родом дополняет характеристику и определяет в известной мере достоинства героя. Он способен и готов к совершению подвигов не только в силу своих личных качеств, но и как представитель своего рода. Героические качества в значительной степени оказываются не индивидуальными, а родовыми» [Мельникова 1987: 86]. Всего годовалым от роду Джангар ведет борьбу с различными чудовищами (мангусами), а в семилетнем возрасте женится на красавице Шавдал, дочери властителя юго-восточного края, и становится государем идеальной страны Бумбы. Джангар воспринимается как правитель «центра» (это соответствует генеалогическим мифам о правителях), противопоставленный правителям окраин, борьба с которыми, по существу, адекватна цивилизаторской деятельности культурного героя. Иногда Джангар правитель — властитель одной из четырех стран света, который совмещает в себе черты культурного героя (в его демоноборческой ипостаси) и вселенского государя. Власть его признают сорок ханов (фольклорно-мифологическое выражение всеобщности), и в своих руках Джангар сосредоточил четыре вида правления — государственное, религиозное, мирское, военное. Возможно, при формировании представлений о Джангаре были привнесены

также переосмысленные идеи буддийской мифологии о царе-чакравартине, не противоречащие, впрочем, собственно эпическим идеалам. Однако в первую очередь, Джангар — ««вселенский» монарх, имеющий дружину эпических воинов, в ряды которой более мелкие удельные владыки вступают добровольно, утрачивая свою самостоятельность, или же принудительно, потерпев поражение в войне» [Неклюдов 1984: 103]. Калмыцкий героический эпос «Джангар» повествует о богатырях, оставивших свои владения, многочисленных подданных и последовавших за Джангаром, зная, что ему суждено стать правителем и «владеть всем, что под солнцем», и впоследствии ставших главными богатырями Бумбайской державы [Селева 2012: 144]. В одной из глав калмыцкой версии «Джангара» цикла сказителя Ээлян Овла речь идет о потерпевшем поражение противнике Зан-тайджи хане, который преподносит Джангару священно-белый хадак и произносит клятвенное заверение в том, что жизненную силу свою он преподносит великому Джангару и шести тысячам двенадцати богатырям, а жизнь свою отдает в распоряжение Алому Хонгору Благородному [Джангар 1978: II, 71–91].

В образе идеального правителя воплощаются также представления о социальном порядке и благополучии, выраженные в одном из его главных качеств — «мудрости, которая понимается не как чисто интеллектуальное качество, а как практическое следование существующим этическим нормам, неукоснительное выполнение того, что должно» [Мельникова 1987: 92]. Процветание эпического социума зависит от личных качеств правителя и его харизмы, обладающей охранительной и регулирующей функцией — функцией сохранения жизни самого суверена и благоденствия державы под его рукой. В эпосе «Джангар» это наглядно выражено в ряде примеров: «Прекрасные, как львы, богатыри-вепри, вкушая обильную арзу, под покровительством славного Джангара в блаженстве и покое пребывали» [Джангар 1978: I, 392]; «В стране Джангара вера бурханов, словно солнце, воссияла, мирное правление стало крепким, как скала, счастливей, чем прежде, стали они — было вдоволь прозрачной арзы из молока необъезженных кобылиц, в счастье и в радости пребывали богатыри» [Джангар 1978: II, 24]; «С той поры владения славного Джангара в мире и покое пребывают, вера в их

Бумбайской стране, словно солнце, сияет, мирское правление стало крепким, как скала, под покровительством хана Джангара в счастье и блаженстве все пребывают» [Джангар 1978: I, 440].

Таким образом, благополучие героического общества полностью зависит от соблюдения освященных многовековой практикой норм поведения, подходящих правителю, с одной стороны, и его воинам — с другой. Долг по отношению друг к другу — это те узы, которые связывают героическое общество воедино, это основа его благополучия и жизнеспособности. «Все достоинства героя направлены к одной цели, героической по своей сути, — защите племени от нападений врага — таково его предназначение, и, лишь выполняя его, он становится героем. Представление о героическом реализуется в первую очередь в действии, в подвиге, причем подвиге общественно значимом, совершенном ради блага племени» [Мельникова 1987: 86]. Для совершения подвигов герой нуждается в сверхъестественной силе, которая лишь отчасти присуща ему от рождения, обусловлена его божественным или полубожественным происхождением. Так, в «Песне о победе богатырей Джангара, Савара и Хонгора, над семью богатырями желто-мангусова хана Замбала» о Джангаре говорится, что «в лопатках исполнен он силы тридцати трех тэнгриев Хормусты, а в поясе — силы пятнадцати духов-хранителей панча-ракча... Сила и слона, и льва вместе в каждом суставе десяти белых пальцев <...> На лбу у него изображение будды Майдари. На маковке опочил будда Очир-сатва. Лама Адиша блюдет и хранит его руки и ноги, его чистую прекрасную грудь <...>» [Цит по: Козин 1940: 145–146]. По мнению А. Ш. Кичикова, смешение представлений о силе богатыря и его небесных покровителей-будд восходит к архаическим представлениям о покровителях парциальных душ [Кичиков 1997: 27].

Герой нуждается в помощи божеств или духов-покровителей (в дальнейшем эта потребность героя ниспадает в героическом эпосе, но возрастает в сказке, где чудесные помощники часто действуют за героя), которая «большой частью приобретает посредством определенного искусства и испытаний типа посвятительных испытаний, т. е. инициации, практикуемой в архаических обществах» [Мифы народов 2000: I, 297].

По всей вероятности, ранние ритуаль-

ные инициации предпринимались героем намеренно, для обретения сверхъестественных, магических способностей, которые он добывал посредством мучительных испытаний, в ином мире или в верхнем мире после контактов с могучими духами. Инициация может быть представлена как временная смерть и последующее воскресение, а также — в более рациональной форме — как победа, одержанная над чудовищем. Позже инициации сводятся к предварительным испытаниям героя в процессе его социального воспитания — так называемым возрастным посвященным обрядам, совершаемым при переходе юношей в разряд взрослых мужчин.

Отражением обрядов инициации в богатырской сказке и эпосе является уход или изгнание героя из своего социума, временная изоляция и странствия в иных странах, в верхнем или в нижнем мире, где и происходят контакты с духами, приобретение духов-помощников, борьба с некоторыми демоническими противниками, встреча и женитьба на суженой. Так, сюжет II главы Малодербетовского цикла посвящен поездке Джангара в верхний мир для сражения с хтоническим чудовищем.

Джангар убивает сорокачетырехголового муса, который превращается в небесное чудовище Кюрюл Эрдени, и тот, приняв облик орла, уносит Джангара на небо и подвергает его там страшным пыткам. Героя выручает дочь Солнца, младшая жена Кюрюл Эрдени, которую некогда Джангар вызволил из утробы сорокачетырехголового муса. Усыпив чудовище, она освобождает пленника. Джангар уничтожает Кюрюл Эрдени, найдя и истребив его «внешнюю душу», хранившуюся в виде птенчика в брюхе марала. Затем, спустившись с неба с помощью птицы Гаруды, он долго странствует по земле, по верхнему и нижнему мирам, а возвратившись, находит свою ханшу Шавдал уже состарившейся [Джангар 1978: I, 91–138]. В III главе того же цикла повествуется о том, как Джангар внезапно уезжает из своей страны на чужбину, оставив ханшу Шавдал, богатырей и Бумбу для главной цели — обретения наследника Шовшура [Джангар 1978: I, 139–216].

«В процессе трансформации мифа в сказку происходит деритуализация и десакрализация, ослабление веры в подлинность мифических событий, развитие сознательной выдумки, постепенная потеря конкрет-

но этнографического содержания сказочной фантазии, замена мифических героев обычными людьми и мифического времени — неопределенным сказочным временем, перенос внимания с коллективных судеб на судьбу и отношений космических — на отношения социальные. Отсюда — появление новых сюжетов и некоторых структурных преобразований» [Мелетинский 2000: 49].

Следует отметить, что свадебные мотивы занимают в классической богатырской сказке значительное место. Иногда они заслоняют и заменяют мотивы инициации. Инициация исторически предшествовала свадьбе, по всей вероятности, многие свадебные ритуалы являются рудиментами и результатом трансформации инициационных обрядов. «Брачная поездка героя в тюркских и монгольских богатырских сказках нередко сохраняет архаические, сказочно-фантастические черты. Сказочная красавица, «суженая» героя — небесная дева, живущая на краю света; на пути к ней герой пересекает непроходимые горы, леса и водные рубежи, сражается со сказочными чудовищами; испытанием его доблести являются трудные и опасные поручения, которые будущий тесть возлагает на соискателей руки его дочери» [Жирмунский 1974: 269]. «Семья в богатырской сказке частично символизирует первобытный род, архаическую общину, а частично — упадок рода, который должен быть заменен семьей. Параллельно с демифологизацией имеет место другой важный феномен: на первый план выходит герой обездоленный, униженный, преследуемый представитель рода, семьи, как, например, сиротка» [Мелетинский 2000: 51]. Иногда отсутствие наследства у младшего сына компенсируется в сказке духами-хранителями, умершими родителями или другими чудесными существами.

Таким образом, важнейшим источником формирования как героического эпоса, так и сказки является героический миф, на основе которого может быть прослежен процесс трансформации богатырской сказки в героический эпос по мере эволюции народа от патриархально-родового к феодальному строю. Миф оказал влияние на формирование богатырской сказки и героического эпоса прежде всего через образ культурного героя. Именно этот образ послужил, видимо, исходным материалом, из которого впоследствии были «вылеплены» модели сказочных и эпических героев.

Специфическое и универсальное в семантике образа героя и его функций в калмыцкой богатырской сказке и эпосе «Джангар» выявляется путем реконструкции процесса трансформации богатырской сказки в героический эпос. Универсальные черты в образе героя связаны с синкретической природой и взаимопроницаемостью жанров богатырской сказки и эпоса. Специфические же его качества обусловлены социально-историческими факторами патриархально-родового и феодального строя, оказавшими влияние на формирование образа героя богатырской сказки и героического эпоса.

Литература

- Джангар. Калмыцкий героический эпос (тексты 25 песен). На калмыцком языке. В 2-х тт. / сост. А. Ш. Кичиков. Т. 1. М.: Наука, 1978. 441 с. Т. 2. М.: Наука, 1978. 415 с.
- Жирмунский В. М.* Литературные отношения Востока и Запада и развитие эпоса // Фольклор Запада и Востока: Сравнительно-исторические очерки. М.: ОГИ, 2004. 464 с.
- Жирмунский В. М.* Тюркский героический эпос. Избранные труды. Л.: Наука, 1974. 728 с.
- Кичиков А. Ш.* Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. Изд. 3-е, репринтное. М.: Вост. лит., 1997. 319 с.
- Козин С. А.* Джангариада. Героическая поэма калмыков. Введение в изучение памятника и перевод торгутской его версии. М.; Л., 1940.
- Мелетинский Е. М.* От мифа к литературе. Курс лекций «Теория мифа и историческая поэтика». М.: РГГУ, 2000. 170 с.
- Мелетинский Е. М.* Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. 2-е изд., испр. М.: Вост. лит., 2004. 462 с.
- Мельникова Е. А.* Меч и лира. Англосаксонское общество в истории и эпосе. М.: Мысль, 1987. 203 с.
- Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х тт. / гл. ред. С. А. Токарев. Т. 1. М.: НИ «Больш. Рос. энцикл.», 2000. А–К. 672 с., ил.
- Неклюдов С. Ю.* Героический эпос монгольских народов (устные и литературные традиции). М.: Вост. лит., 1984. 310 с.
- Неклюдов С. Ю.* Заметки об эпической временной системе // Труды по знаковым системам. Тарту. 1973. № 6. С. 151–165.
- Селеева Ц. Б.* Символика власти в калмыцком героическом эпосе «Джангар» // Участие калмыков в укреплении российской государственности. Мат-лы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 1150-летию российской государ. и Году российской истории (г. Элиста, 29 ноября 2012 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2012. С. 143–146.